

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Искусство перевоплощения

«Научная книга»

Серова М. С.

Искусство перевоплощения / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Искусство перевоплощения

Глава 1

Вся эта история, довольно неприятная, началась ранним весенним утром. Началась, как обычно и начинаются все неприятные истории, – с громкого стука в дверь. А дверь у нас с тетушкой металлическая – прогромыхало будь здоров!

Электрический звонок непрошенные гости почему-то проигнорировали. Наверное, решили, что постучать – будет куда эффектнее.

Открыла им тетушка Мила, поскольку я была в ванной. А когда, закончив свои утренние процедуры, вышла оттуда, в прихожей меня дожидались двое молодых людей в одинаковых темных костюмах. И в затемненных очках.

«Какие строгие! – подумала я, плотнее запахивая халат. – Вот бы еще ботинки им как следует почистить, и будут, как эти... из фильма „Люди в черном“... Недавно по видеку смотрела».

– Вам кого? – нахмурившись, спросила я.

– Охотникова Евгения Максимовна? – заглянув в какую-то бумажку, задал свой вопрос один из молодых людей.

– Она самая. – Я вытащила из кармана халата расческу, но, подумав, что заниматься туалетом на глазах у незнакомых мужчин, пожалуй, не стоит, сунула ее обратно.

– Дмитрий Федорович Толстиков просит вас, Евгения Максимовна, встретиться с ним, – произнес тот, что спрашивал мое имя.

Я удивленно подняла брови, а тетушка, затевавшая на кухне кофе, перестала греметь посудой и, судя по всему, стала прислушиваться. Дело в том, что Дмитрий Федорович Толстиков – мэр этого приволжского города, где вот уже года два я живу вместе со своей тетушкой Милой.

Неужели слава о моих достижениях в своей, так сказать, профессиональной деятельности дошла уже и до верхушки местной администрации?

– И когда же Дмитрий Федорович готов со мной увидеться?

– Сейчас, – ответил тот же молодой человек.

– Через двадцать минут, – уточнил второй.

– Подождите пока, – секунду подумав, я решила: – Или на кухню вон пройдите, тетя вас кофе угостит. А я пока оденусь, накраситься еще надо... Через полчаса поедем.

Удивление молодых людей не скрыли даже черные очки. Они переглянулись, пару секунд помолчали, но потом безропотно стали снимать обувь.

Вот так. Видать, Дмитрий Федорович просветил их насчет моей персоны – спорить они не стали. Собраться-то, конечно, – одеться и навести марафет – я могла и за несколько минут, но... в общении с высокопоставленными особами всегда лучше сразу заставить себя уважать. Если у Толстикова ко мне дело (а дело, конечно, важное, иначе не стал бы он ко мне обращаться), пусть подождет полчаса.

* * *

Мы катили на длинном черном «Ситроене» по главной улице города. Собралась я минут за пятнадцать. Не потому что парнишек пожалела, а просто надоело копаться.

Оделась я, как и подобало при подобных случаях, – по-деловому. Белая кофта, темная блузка. Вот только юбка несколько коротковата, но пусть хоть кто-нибудь скажет, что это плохо – рост у меня около ста восьмидесяти сантиметров, и в свои двадцать восемь лет я выгляжу очень даже ничего. Мужчины, по крайней мере, на улицах оборачиваются даже чаще, чем мне того хотелось бы.

Показалось здание администрации города. Мы подъехали к главному входу. Шоферу – в машине, кроме молодых людей, был еще и шофер, – даже не пришлось сигналить. «Ситроен», лишь немного сбавив скорость, въехал во двор.

Мои «люди в черном» провели меня в здание и по широким коридорам, минуя всякие пропускные пункты, милиционеров, охранников и секретарей, прямиком доставили к кабинету мэра города.

«Вот это да! – подумала я про себя. – Какой мне, однако, почет оказывают! К чему бы это? Ну, надо думать, разговор с мэром все разъяснит».

– Подождите минутку, – попросил меня один из моих молодых людей, – я сейчас, – и юркнул в кабинет.

Даже минутки ждать не пришлось. Он почти сразу же выбежал из кабинета и, оставшись сам снаружи, открыл передо мной дверь:

– Проходите.

Дверь закрылась за мной мягко, но плотно.

Мэр обогнул свой стол и приблизился ко мне. Я с интересом разглядывала его. Здорово! А то я его только по телевизору и видела. Пожалуй, в жизни выглядит более полным, чем на экране телевизора. Расплывшийся такой мужик, хотя и не старый еще – пятидесяти нет, наверное.

– Здравствуйте, – произнес он, в свою очередь внимательно посмотрев на меня, и сказал, как будто в этом была необходимость: – Позвольте представиться – Дмитрий Федорович Толстиков.

Голос у него был хорошо поставленный – администратор все-таки. И тон хорошо поставлен – настоящий начальственный, покровительственный такой. Будто с малым дитем разговаривает.

– Очень приятно, – вежливо ответила я. – Охотникова Евгения Максимовна.

Толстиков с абсолютно ленинской простотой пожал мне руку. Потом внезапно посерьезнел. Пригласил сесть в кресло, сам угнездился за своим столом. Понятно, знакомство закончено, переходим к, так сказать, официальной части. Ну что ж, вот сейчас и выяснится, зачем меня сюда пригласили-то.

– Так. – Толстиков сосредоточенно почесал кончик носа. – Как мне стало известно из... проверенных источников, вы – очень хороший телохранитель. Вроде как даже где-то этому специально обучались? Так?

Я кивнула.

– Какие-то курсы телохранителей в Москве, да?

Я снова кивнула. Басню про московские курсы телохранителей я выдумала специально для моих клиентов – местных предпринимателей-толстосумов. Московские курсы телохранителей – полная ерунда, но на слух звучит очень даже внушительно.

* * *

На самом же деле моя подготовка была куда более серьезной, чем какие-то там курсы. Пять лет обучения в специальном военном институте, где заказчиками кадров были военная разведка и КГБ, – вот мои курсы. Три года службы в спецотряде «Сигма» – три года непрерыв-

ной войны в Афганистане, арабских странах и других «горячих» и не очень «горячих точках» мира – вот мои курсы.

Помнится, когда я еще только начинала учиться в институте, один мой знакомый, смеясь, сказал, что после обучения мы все станем Штирлицами да Джеймсами Бондами. Через много лет я поняла, что он был не совсем прав – Штирлицы и Джеймсы Бонды – просто искусственные литературные герои. А мы стали...

Впрочем, черт его знает, что из нас получилось – кто-то погиб, устанавливая мир или разжигая войну в этих самых «горячих точках», – смотря что приказывало в тот момент правительство. Очень многие, отслужив несколько лет в «Сигме», пошли на повышение – в секретные спецслужбы.

А я вот переехала в этот волжский город к тетушке Миле. На жизнь себе зарабатывала переводами с иностранных языков. Да еще иногда нанималась телохранителем к местным нуворишам. Вернее, они меня нанимали. За работу я брала дорого, но... это стоило того.

За все время подобной практики я несколько раз выручала попавших, так сказать, в беду бизнесменов – то бандиты кого прищучат, то конкуренты зажмут...

Теперь вот мэр города мною заинтересовался. Да еще как заинтересовался – вон какое мне внимание оказывается!

* * *

– Значит, курсы телохранителей? – Толстиков изучающе смотрел на меня, как будто сомневался в моей компетентности как специалиста.

Смотри, смотри...

Я углядела на столе хрустальную пепельницу с лежащей рядом зажигалкой. Достала сигареты и закурила. Дмитрий Федорович несколько удивленно посмотрел на меня, не ожидая, наверное, что я так быстро освоюсь в его кабинете. Наверное, про себя упрекнул меня в незнании правил хорошего тона.

Да плевать...

– Теперь к делу. – Он посмотрел на часы и встрепнулся: – Сейчас я вам, Евгения Максимовна, изложу свой... э-э... заказ... Можно это так назвать? Да? Ну хорошо... А потом договоримся о цене.

Н-да, теперь моя очередь удивляться. Мэр произнес свое предложение таким безапелляционным тоном, как будто это было вовсе и не предложение. Кто, интересно, ему сказал, что я соглашусь на его заказ?

– Как вам, вероятно, известно из средств массовой информации, – Толстиков будто бы начинал пресс-конференцию, – у меня есть родной брат...

– Кстати, мне это неизвестно, – вставила я.

– Неважно... Так вот этот мой братец, – продолжал Толстиков, – на днях освободился. Пять лет он отсидел. – Дмитрий Федорович сделал паузу и посмотрел на меня, будто хотел угадать, какое впечатление произвели его слова.

Да абсолютно никакого – что мне до какого-то там зека, пусть даже тот еще и родной брат мэра этого города.

– Так вот, зовут его Василий Федорович. Ну... Вася. Соответственно – Толстиков. – Дмитрий Федорович даже как будто обиделся на мое индифферентное отношение к факту наличия у него брата-уголовника. – Для него я вас телохранителем и нанимаю. Кстати, о вашей встрече я уже договорился...

– Постойте-постойте, Дмитрий Федорович. – Я сделала последнюю необязательную затяжку и потушила сигарету. – С... Василием Федоровичем вы уже договорились, а со мной?

– Что – с вами? – не понял Толстиков.

– Разве я говорила, что согласна?

Дмитрий Федорович открыл рот, потом неопределенно хмыкнул и усмехнулся. Не ожидал от меня такой... несговорчивости. Знаю я этих мелких князьков. В своей области бог и царь, он к такому не привык. Думал, что я тут же с радостью побегу исполнять его поручение?

– А разве не согласны? – Он положил руки на стол и откинулся в кресле. Вид у него был несколько обескураженный.

– И этого тоже не говорила, – отозвалась я. – Вы ведь не назвали ни ваших условий, ни суммы гонорара за работу.

– А, ну это – пожалуйста. – Он как будто успокоился. – Вы работаете неделю, а сумма... – Он помедлил и назвал сумму.

И победоносно посмотрел на меня.

Неплохо. Даже очень неплохо. Даже очень-очень неплохо. Вот что значит – мэр. Такого гонорара в этом городе мне еще никто не предлагал. Но тем не менее...

– Все-таки хотелось бы мне, Дмитрий Федорович, услышать вкратце, в чем, собственно, моя работа будет заключаться.

У Толстикова снова вытянулось лицо. Должно быть, он думал, что уж после оглашения суммы гонорара у меня никаких сомнений не останется.

– Вкратце?.. – Он быстро взял себя в руки. – Вы правы, заказ на самом деле не совсем обычный... Можете успокоиться, за ним никто не охотится, скорее, наоборот... – Тут Толстиков неожиданно оставил свой повелительно-покровительственный тон, наклонился ко мне и понизил голос: – У моего брата, видите ли... не все в порядке с психикой. К тому же пьет он сильно... Проще говоря – алкоголик. Он и на зону-то попал поэтому... Ну, впрочем, про это он сам вам расскажет. Так что охранять придется не его от окружающих, а окружающих от него. А то на свободе он недолго задержится. Мне же хочется, чтобы он хоть немного погулял – брат все-таки... Ну и присмотрите за ним первое время...

Честно говоря, несмотря на все мое хладнокровие, стальные нервы и все такое прочее, я несколько секунд не могла вымолвить ни слова.

– В общем... – нашла я наконец, – вы предлагаете мне роль... няньки?

– Ну, в каком-то смысле – да.

Нормальненько! Первый случай в моей практике!

– Работа... Я бы не сказал, что очень простая, – продолжал Толстиков, – но за деньгами, как вы уже поняли, я не постою. Сниму вам квартиру. Будете жить вместе, чтобы вы с него глаз не спускали. В разных комнатах жить будете, – быстро прибавил он. – Ну, чего другое там если вдруг, – он ухмыльнулся, – это по желанию... Да, еще надо тебе сказать, он... это, как его?.. Ну, ман... какой-то...

– Чего? – не поняла я. – Какой такой ман?

– К... Клип... Клептоман... вот!

Совсем здорово.

– А другие заболевания?.. – поинтересовалась я. – Других заболеваний не обнаружено?

– Н-нет, – не сразу ответил Толстиков, – так он больше ничем...

Я молчала. Думала.

– Пока неделю, потом посмотрим.

Ну, в принципе, можно согласиться. Хотя я бы на месте мэра, чем такие деньги тратить, просто посадила бы этого Василия Федоровича на цепь в подвал, и все дела. Но, как говорится, у богатых свои причуды. А нам с тетушкой как раз ремонт в квартире делать нужно. Соглашусь... На этот гонорар такой ремонтик отгрохать можно будет!..

– Согласна, – просто сказала я.

– Очень хорошо. – Дмитрий Федорович снова заговорил так, как будто он вел пресс-конференцию. – Вот вам задаток. – Он выложил на стол несколько пачек зеленых банкнот. –

Сегодня вы встречаетесь с Васькой... Василием Федоровичем. – Толстиков кивнул головой, показывая, что аудиенция окончена.

– Встречусь. – Я поднялась и направилась к выходу.

– Да, еще одно обстоятельство, – услышала я, когда уже взялась за ручку двери, – сегодня вечером я уезжаю. В Москву вызывают. Так что, если будут проблемы... постарайтесь решить их сами. Вы же профессионал...

– Профессионал, – подтвердила я.

– И вот еще что. – Дмитрий Федорович вышел из-за своего стола. – Я прошу вас не афишировать Васиного со мной родство. Проще говоря, никто не должен знать, что он мой брат. Это, надо сказать, вообще самое главное... А то, понимаете, человек я видный. В Москве уже заметили. Даже открою вам тайну – я собираюсь выдвигать свою кандидатуру на пост президента России...

– Даже так? – Я сделала вид, что приятно поражена. – Ну, в таком случае как скажете, Дмитрий Федорович.

Ну, теперь понятно, почему он обратился ко мне. Чтобы карьеру свою не испортить. Так бы и говорил уж, а то – «брата жалко»! «Пусть погуляет»!

А впрочем, может, и ошибаюсь. Неважно – мне-то какое дело? Свою работу я и без того сделаю.

Вежливо попрощавшись, я покинула кабинет мэра.

* * *

«Люди в черном» подвезли меня прямо к кафе. «Лопушок» – так оно называлось. Здесь меня должен был ждать сам Василий Федорович Толстиков, психопат, алкоголик и клептоман. Мой теперешний клиент. Я почувствовала вдруг раскаянье в том, что бездумно согласилась на этот заказ. Нянька для клептомана – ну надо же!

Ладно, посмотрим.

Кстати, а как я этого самого Василия узнаю?

– Приехали, – сказал один из «людей в черном». Он достал из кармана ключи и какую-то бумажку, протянул все это мне: – Вот, возьмите, Дмитрий Федорович вам передал – ключи от квартиры и адрес.

– А как я его узнаю-то? – спросила, принимая ключи.

– Кого узнаете? – недоуменно переспросил парень. – Дмитрия Федоровича?..

– Да, нет... Впрочем, ладно. Проехали.

Парень послушно замолчал.

Так, понятно – мои «люди в черном» явно не в курсе дела. Высокий уровень секретности, значит.

Я покинула машину и направилась к стеклянной двери кафе. Вошла.

А уважаемый Дмитрий Федорович для администратора – пусть и главного – совсем не глуп. Вычислить Василия в этом месте было проще простого. Кафе «Лопушок» оказалось детским заведением – подавали только мороженое, лимонад и тому подобный ассортимент. Ну и контингент соответствующий – две-три семейные пары с детьми, да еще одна бабушка,ковыряющаяся ложечкой в раскисающем мороженом.

Так что Василия Федоровича я узнала сразу. Он сидел напротив двери – нормальный мужик лет тридцати пяти – тридцати восьми, небритый, правда. В довольно приличном костюме – черные пиджак и брюки, белая рубашка. Прямо и не скажешь, что человек только что из зоны прибыл.

– Василий? – полуутвердительно произнесла я, подходя к его столику.

Он поднял глаза, посмотрел внимательно. Потом встал и отодвинул стул для меня. Я села.

Вот это да! Для зека-алкоголика он очень даже мил. Только вот взгляд у него какой-то... диковатый.

– Здравствуйте. – У Василия оказался негромкий, чуть хриловатый голос. – Я так понимаю, что вы и есть та самая Евгения Максимовна?..

– Можно просто Женя.

Говорил он неторопливо и вроде бы вполне разумные вещи, приличествующие, так сказать, моменту, но тоном таким... Таким тоном хамят обычно.

– Можно просто Вася, – после небольшой паузы произнес он.

Мы немного помолчали. Перед Василием стояла чашечка кофе. Он постучал по ней кончиками пальцев. Прокашлялся.

Я тоже не знала, что говорить.

– Ну и забегаловку мой братец выбрал, – произнес наконец Вася и тоскливо оглянулся по сторонам. Задержал взгляд на бабушке с мороженым и поморщился. – Два дня на свободе, а тут...

– Да, – сразу же подхватила я, – заведение вашим вкусам явно не соответствует.

– Ага, – удовлетворенно сказал Вася. – Братик Дима, значит, про меня все уже успел сообщить. Кстати, давай, перейдем на «ты», – добавил он, – без брудершафта.

– Давай, – согласилась я.

А он не такой уж и страшный. Скорее наоборот. И выражается нормально. Никакой тебе специфической тюремной лексики. «Брудершафт» вон без запинки выговорил. Можно подумать, что последние пять лет он не на зоне, а в вузе каком-нибудь провел.

– Ну, вот видишь, – усмехнулся Василий, словно прочитав мои мысли, – вовсе я и не чудовище, – и тут же без всякой связи предложил: – Пойдем, шарахнем по маленькой. А то я не успел еще... отметить. Заодно и познакомимся. Как следует.

Я согласилась. В конце концов – если он на самом деле алкоголик, то запрещать ему пить бесполезно – все равно не удержишь. А если Дмитрий Федорович все-таки слегка передергивал и Василий не такой алкаш, каким мне его расписали, тогда и... тем более можно... познакомиться как следует.

Василий расплатился, мы поднялись и вышли. Мой новый заказ мне уже не казался таким страшным. А Вася даже понравился.

Но все-таки бдительность проявить было необходимо – когда мы уходили, я проследила, не свистнул ли мой клиент ложечку из чашечки для кофе. Они, конечно, тут не серебряные, но все же...

Не свистнул.

* * *

Бар по причине раннего времени был совершенно пуст. Зевающий бармен поставил перед нами Васин заказ – бутылку водки, два пива и какие-то салатик – и удалился за стойку.

Жаль, я не предусмотрела такой поворот событий и не захватила из дома свою сумочку, с которой я всегда выезжала на задания. В той сумочке много чего было – моя, так сказать, профессиональная коллекция, – от стреляющих запонок и крохотных дротиков с усыпляющим составом на лезвии до целой аптеки. Когда я служила в отряде «Сигма», этим барахлом приходилось пользоваться чуть ли не каждый день. Аптека у меня тоже, естественно, специфическая – всякие шпионские снадобья. Ну и, конечно, там были таблеточки, нейтрализующие действие алкоголя.

Вот эти-то самые таблеточки мне сегодня оченьгодились бы.

Но чего уж теперь – если их нет, нужно или совсем не пить, или хотя бы пить поменьше.

Василий разлил водку по стаканам, откупорил пива, явно намереваясь сварганить себе «ерша».

Вот и этого товарища, наверное, тоже надо ограничивать, а то...

А что, впрочем, «а то»?

Вот сейчас, Женечка, и посмотришь.

Вася поднял свой стакан и призывно кивнул мне наголо обритой головой, которая начала уже покрываться темными волосами – как будто череп густо посыпали черным перцем. Я покорно чокнулась с ним и опрокинула в себя водку. Не всю, правда, полстакана. Закусила салатиком. Подняла глаза на Василия – он уже осушил свою емкость и теперь, сморщившись, запивал водку пивом. Прямо из бутылки.

– Вот так, – удовлетворенно произнес он, оторвав наконец горлышко пивной бутылки от губ. Потом посмотрел на меня и удивился: – А ты чего же? Запить? Пивом, оно того... Эффективнее будет.

– Эффективнее мне как раз вот не рекомендуется. Я же на работе...

– Со мной нянчиться – это работа? – усмехнулся Василий. – Брось! На сколько тебя Димка нанял? На неделю? Так вот – будет у тебя всю неделю сплошной праздник. – Он разлил по второй. – Ясенько?

«Ясенько, – подумала я, – как бы мне с таким клиентом в больницу не загреметь. С диагнозом „алкогольный токсикоз“».

Мы снова чокнулись. Я опять не допила половину, а гражданин Толстиков опорожнил свою бутылку пива.

– В горле пересохло, – объяснил он.

– Ты бы, Василий, закусывал, – обеспокоенно посоветовала ему я, – а то... гляди...

– Давай-ка по третьей, – совсем не слушая меня, предложил оживленно Вася, – только ты не жульничай, пей, как все нормальные люди, – по полному стакану. – Он снова разлил водку и потянулся к моей бутылке пива. Открыл ее.

Я с тоской посмотрела на мой стакан.

В голове у меня уже немного зашумело. Надо думать, от непривычки к спиртному – в институте и в «Сигме» об алкоголе даже подумать было смешно. Здесь, на гражданке, так сказать, приучилась уже курить. А вот выпивать... Не успела еще привыкнуть – алкоголь мешает сосредоточиваться, легко потерять контроль, что в моей работе телохранителя совершенно недопустимо. А после работы – повода нет, отдыхать я привыкла по-другому – видео там посмотреть, в парке утречком пробежаться...

Ну, иногда, конечно, выпивала шампанского там или вина легкого, но водку...

– Нет, Василий, спасибо, я больше не хочу, – произнесла я, не отводя взгляда от своего стакана с водкой, – мне тебя охранять, а я уже немного того...

– Никаких «нет»! – зарумянившийся Вася закричал так, что бармен, дремавший за стойкой, поднял голову. – Твоя работа отныне будет заключаться только в употреблении спиртных напитков. – Он схватил стакан и сунул его мне в руку, расплескав водку по столу.

Так, может быть, уже начать Василия «охранять»? В смысле – урезонивать?

Вася одной рукой удерживал стакан у меня в кулаке, а другой отсалютовал мне своим стаканом. Залпом проглотил его содержимое и запил пивом. Вопросительно посмотрел на меня.

Ну, ладно, последний стакан.

– Хар-рашо! – проследив, как я выпила, Василий поставил опустевшую бутылку из-под водки под стол и откинулся в кресле, скрестив руки за головой. – Вот этого момента я ждал пять лет.

«Как, однако, мало надо человеку для счастья», – подумала я, вяло пережевывая салатик.

Салатик, однако, явно просился обратно – сработала привычка, приобретенная мной за многие годы тренировок – всякая ненужная и вредная организму субстанция автоматически

отторгалась. Не про салатик, конечно, говорится – про водку; салатик в этом баре был очень даже ничего.

Да, помнится, когда я служила в отряде «Сигма», я могла пить всяческий стрихнин буквально стаканами – яд сразу же выходил наружу – таков специфический приобретенный рвотный рефлекс. Да и сейчас, наверное, могу так. Ну если не стаканами, так... меньшими дозами.

Я глотнула немного пива, чтобы хоть немного успокоить желудок более или менее нейтральной жидкостью. Ничего не помогает – салатик упрямо вздымался вверх по пищеводу.

Черт возьми, все-таки, наверное, нужно сходить того... Избавиться от лишнего.

Я поднялась:

– Василий, я быстро – на минутку только – ты смотри...

Вася понимающе кивнул и с улыбкой развел руками – мол, какие проблемы?..

Да, действительно, какие могут быть проблемы: в баре-то никого нет.

– Ты чего будешь пить-то? – спросил Василий, когда я уже направилась в сторону туалета. – Я же вижу – водка не идет у тебя...

В этот момент – не успел Вася договорить – дверь бара с грохотом распахнулась и в помещение ввалилась развеселая компания: четверо крупногабаритных коротко стриженных молодых людей в черных кожаных куртках. Впрочем, молодыми были только трое из них – четвертому – здоровому мужику – лет, наверное, было под сорок.

Вероятно – главный. Пахан, так сказать. Словно отличительный знак, на указательном пальце правой руки у него переливался всеми цветами радуги массивный золотой перстень с бриллиантом.

– Хозяин! – с порога закричал «пахан». – Хо... хозяин! Водки давай!! Шампанского! Шампанского давай! – Он властно подбоченился. Покачнулся.

Н-да, а вся компания-то, несмотря на довольно раннее время, была безобразно пьяна.

Василий смотрел на них с завистью и нескрываемым восхищением.

Бармен, покоренный сверканием чудо-перстня, тут же бросился выполнять приказание «пахана» – притаранил за их столик три бутылки водки и пару шампанского.

– Так ты что будешь пить-то? – повторил свой вопрос Вася, оторвав наконец взор от нетрезвых пришельцев.

– Шампанское, – сказала я первое, что пришло мне в голову, – шампанского я выпью.

Пока Василий заказывал шампанское и еще бутылку водки, я немного задержалась в зале – проконтролировать поведение вошедшей компании. А то, кто их знает, войдут еще, так сказать, в конфронтацию с моим клиентом в то время, когда я буду в туалете.

Да вроде нет, ничего. Несмотря на то что они были сильно подшофе, молодые люди вели себя довольно прилично – пожалуй, только слишком громко разговаривали. А «пахан», так тот вообще никакого участия в разговоре не принимал. Он снял с пальца свой выдающийся перстень и принялся сосредоточенно катать его по столу. Парни затянули какую-то песню.

Ну, ничего, как говорится, чем бы детишки ни тешились, лишь бы Ваську мово не трогали.

Я спустилась в туалет.

Глава 2

Сверху, из зала, глухо звучала пьяная песня, а желудок мой разбушевался не на шутку. Я извергла в сияющие недра унитаза все, что сегодня выпила и съела, и, кажется, даже то, что вовсе не пила и не ела.

Освободилась, в общем, полностью.

Облегчившись душой и телом, я умылась водой из-под крана и встала перед зеркалом – поправить макияж.

Песня в зале бара уже смолкла. Выпивают, наверное. Потом я насторожилась: довольно громко загомонили голоса.

Шумная застольная беседа или?..

Да черт с ним, с макияжем! Сунув всю свою парфюмерию в ридикюль, я выбежала из туалета и бросилась вверх по лестнице.

При входе в зал столкнулась с насмерть перепуганным барменом. Он дико посмотрел на меня и шмыгнул мимо, вниз.

Так. Чего я и боялась. Чего в принципе и следовало ожидать. Ну ни на минуту нельзя отлучиться! Вот работенку мне Дмитрий Федорович подкинул!

Прямо посреди зала трое давешних пьяных молодчиков молотили Василия ногами. Тот, кувыркаясь между опрокинутыми столами и переломанными стульями, страшно вопил. Помоему, что-то угрожающее.

Интересно, за что они его? Чем это он им за несколько минут моего отсутствия успел насолить?

«Пахан» участия в потасовке не принимал. Он спокойно стоял у стеночки. Курил.

Ну, что же, придется все-таки клиента моего выручать. И чем быстрее, тем лучше: ребята, похоже, не шутили – работали, так сказать, в полную силу. Норовили все попасть по голове. Василий, кстати, от таких ударов удачно уворачивался – опытный, значит, в подобных делах человек.

Так, моральное воздействие сейчас вряд ли поможет, буду оказывать физическое.

От дерущихся меня отделяло метров пять – несколько шагов. Я с места начала разбегаться и, когда почти уже добежала до них, оглушительно свистнула. Все трое на секунду повернулись ко мне, даже Василий поднял голову. Я высоко подпрыгнула, изогнувшись в воздухе, приняв почти идеально горизонтальное положение, и с силой врезалась в парней.

Расчет мой оправдался – молодые люди от меня такого уж точно не ожидали – все трое были сбиты с ног.

Я же приземлилась грамотно и правильно – на корточки. Отлично получилось! В спец-институте на экзамене мне бы за такой прыжок поставили пятерку с плюсом. Да еще и аплодировали бы. Стоя.

За спиной – какое-то движение. Я резко развернулась, одновременно выбросив локоть – попала по зубам одному из парней, который уже умудрился подняться на ноги. Пожалуй, даже слишком жестоко получилось – челюсть у парнишки хрустнула, он отлетел к стене, сполз на пол и остался лежать там, постанывая и пуская кровавые слюни.

Передо мной уже стоял второй парень – здоровый такой, даже толстый, хоть и молодой. Он таращил безумные пьяные глаза. Медленно поднимал руки, видимо, соображая, как удобнее будет меня удавить.

Тоже мне – боец.

Коротко размахнувшись, я врезала ему кулаком под дых. Он сразу задохнулся – толстый же! – и переломился пополам. Дальше совсем просто – рубанула его ребром ладони по шее. Парень свалился к моим ногам и больше не пытался шевелиться.

Василий уже поднялся, отошел на несколько шагов и с изумлением наблюдал за расправой, вытирая кровь с разбитого лица.

Расправа, впрочем, быстро закончилась: третий парень с пола решил не подниматься – он лежал на спине, раскинув руки, очень удачно притворяясь холодным трупом.

Архиверное, как говорится, решение!

А «пахана» уже в баре не было. Странно, чего это он сбежал? Почему не попытался, например, ствол достать или еще там чего? Обычно подобные авторитеты до самого конца не верят в мою крутизну, ошибочно ориентируясь на внешний вид – обаятельная и хрупкая женщина.

А теперь пора сваливать отсюда. Бармен, опасаясь за сохранность интерьера своего бара, успел, наверное, уже вызвать наряд милиции. Ничего страшного мы, конечно, не натворили, но они-то должны нас задержать формально, а нам это совсем ни к чему.

– Пойдем быстрее отсюда! – Я схватила Василия за рукав.

– Подожди. – Он, пошатнувшись, попятился от меня к нашему столику. – Чего теперь кипешиться-то? Разобрались, и все... Больше они не полезут. – Он сплюнул кровью и широко улыбнулся.

Братки на полу зашевелились. Тот, кто пытался изобразить из себя труп, приподнялся, но, увидев меня, вздрогнул и снова аккуратно улегся в картинной позе поверженного витязя.

Василий, которого вся эта петрушка нисколько не протрезвила, созерцал происходящее, колеблясь, как стебелек водоросли в зеленом аквариуме.

Больше напрасных слов тратить я не стала – просто ухватила Васю за локоть и повлекла к двери. Он и не сопротивлялся, только когда мы проходили мимо нашего столика, Василий, сильно дернувшись в сторону, заставил меня несколько изменить траекторию движения – ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы он успел сцапать со стола непочатую еще бутылку водки.

Мы вывалились из бара. Так, ментовской машины пока не видно, самое время поймать какую-нибудь тачку. Поддерживая под локоток размякшего Василия, который, наплевав на все правила приличия, уже скрутил бутылке головку и теперь пытался отхлебнуть огненной воды из горла, я, вытянув руку, подошла к бордюру.

Почти сразу же остановился какой-то задрипанный «москвичонок». Времени привередничать и выбирать тачку покруче у нас не было, так что я затолкала присосавшегося к бутылке Васю на заднее сиденье, а сама села рядом с водителем – колоритным таким мужиком, с длинными кучерявыми волосами и расплывшимся чуть ли не во все лицо носом. Как у негра, честное слово.

– Куда ехать-то? – спросил «Майкл Джексон», когда мы тронулись с места.

– Куда? – переспросила я. С заднего сиденья раздавалось ожесточенное бульканье. Откуда-то издали послышался звук милицейской сирены – значит, бармен все-таки успел вызвать ментов, ну, что же, вовремя мы. – Куда ехать? – снова повторила я и полезла в карман за бумажкой, на которой был записан адрес квартиры, выданной мэром города Дмитрием Федоровичем для нашего с Васей совместного проживания.

* * *

Как это ни удивительно, но пока мы ехали – минут десять, недалеко оказалось, – Василий успел прикончить свою бутылку водки. Так что из машины я его выковыривала, как занозу из... пальца. Он находился, как бы это получше сказать, в состоянии глубокой эйфории. То есть, глупо улыбаясь, беззвучно шевелил губами, словно хотел сообщить какую-нибудь приятную новость.

Но на ногах он тем не менее стоять мог, правда – с трудом передвигался. Но это ничего, оставалось только придать ему направление и поддерживать немного.

Так мы поднялись до нужного нам этажа – третьего. Я отперла дверь.

Н-да, а квартирка-то ничего! Дмитрий Федорович не поскупился – четыре комнаты, изолированные друг от друга, широкая прихожая, огромная кухня. А обои! А мебель!

Я оставила Василия в прихожей, сама прошла в комнаты. Вася потоптался на месте и, держась за стеночки, напрямик отправился в туалет, очевидно, инстинктивно верно угадав направление.

Я продолжала осмотр квартиры. Ого! И телефон, и компьютер, и телевизор... то есть два телевизора – в разных комнатах; видеомэгнитофон и... Да тут все помещение просто нашпиговано фирменной аппаратурой!

И мне, то есть нам, неделю тут жить? Да я исключительно из-за такой роскоши попытаюсь продлить контракт хотя бы еще на недельку.

Из туалета донеслось мычание, кашель, потом – шум воды. Очевидно, Василию Федоровичу стало нехорошо.

Надо думать!

Нет уж, пожалуй, недель совместного с ним проживания я и ограничусь. Роскошь роскошью, но... алкоголизм, он тоже – алкоголизмом.

В прихожей слышались нетрезвые Васиные шаги – это он перекочевал из туалета в ванную.

А в принципе оно и неплохо, что Василий так быстро напился, – мне же и забот меньше. Сейчас он отрубится, я тогда тоже лягу и посплю. «Чтобы силы сохранять, нужно, дети, крепче спать» – это общеизвестно. А сил мне, я чувствую, с таким клиентом понадобится ого-го сколько.

В прихожей снова показался Вася. Между прочим, совершенно мокрый и безобразно голый. То есть он, конечно, пытался прикрыть свои чресла полотенцем, но, потому как на ногах он держался нетвердо, руки ему нужны были для того, чтобы цепляться за стены. Естественно – полотенце он ронял на каждом своем шагу.

Василий поднял на меня мутные глаза. Развел руками, снова выронив полотенце. Подбирать он его не стал и говорить ничего вообще не стал – проковылял в комнату и рухнул на кровать.

Захрапел.

Все, отгулял освобождение. Отпраздновал.

Я подняла полотенце и прикрыла уснувшему Василию голую задницу. Потом подошла к входной двери, проверила замки. Отлично, замочки новые: теперь бесшумно не войти, не выйти – громяют будь здоров.

Успокоенная, я вернулась в комнату, которую выбрала сначала, – с видеомэгнитофоном и большой такой кроватью, присела на эту самую кровать и закурила.

И чего это я, интересно, беспокоюсь раньше времени? Клиент, конечно, не сахар, и задающие необычные, но ведь ничего страшного нет. Ходи себе за этим Васей да смотри, чтобы ему по пьяной лавочке башку не проломил. Или чтобы он кому-нибудь не проломил.

Это вам не банкира какого-нибудь охранять, за которым два взвода киллеров охотятся (такой заказ я выполняла месяца три назад). Тогда, несмотря на весь свой опыт и профессионализм, едва в живых осталась.

Позвонив своей тетушке и предупредив ее о том, что у меня теперь новое временное место жительства, я вернулась в комнату и растянулась на кровати. Хорошо!

Время еще было только обеденное, но я все-таки решила заснуть – кто знает, может, милый друг Васенька проснется среди ночи и потребует продолжения банкета? Нужно заранее выпастся.

Не поднимаясь с кровати – лень было, – я быстро разделась. Положила одежду рядом с собой. Я вздохнула и совсем уже было собралась закрыть глаза, как вдруг в комнате, где спал Василий, раздался грохот. Потом бессвязная матерщина.

Я даже не пошевелилась, даже глаз не открыла – по звуку поняла, что это мой непутевый клиент свалился с кровати. Василий немного еще поваландался там у себя; судя по грохоту и звону разбитого стекла, что-то опрокинул. Потом послышались приближающиеся шаги и, открыв наконец глаза, я узрела стоящего прямо передо мной Васю.

Полотенце вокруг бедер, как это ни парадоксально, он все-таки повязал.

– Чего тебе? – приподняв голову, спросила я.

Василий промывчал что-то дружелюбное, присел на край кровати, потом качнулся и повалился на одеяло рядом со мной. Протянул руку и неуверенно погладил мне живот.

Ах вот оно что!

Ну, разговорами тут не поможешь – не в том сейчас состоянии мой клиент, чтобы выслушивать лекции о морали и нравственности. Я поднялась, ухватила жалобно заскулившего донжуана за загривок и отволокла обратно в его комнату. Бросила на диван. Он что-то пробормотал – что-то вроде: «Не хочешь, как хочешь», и моментально уснул.

Я же вернулась к себе.

Вообще-то, устала не очень, и спать совсем не хотелось, но управлять своим организмом – первое, чему нас учили в специнституте.

Я вытянулась во весь рост, полностью расслабилась, грамотно отрегулировала дыхание и через минуту уже спала.

* * *

Как это ни странно, ночью Василий не просыпался. Я поднялась с постели в половине седьмого, приняла душ, сварила кофе – на кухне нашлась банка приличного молотого кофе, – налила себе чашечку и закурила первую утреннюю сигарету.

Вскоре – это было уже около восьми – послышались шаркающие шаги, и в проеме кухонной двери показался Вася. Слава богу – в штанах.

– Ну-с, – пригубив кофе из чашечки, осведомилась я, – проснулся?

Василий издал непонятный звук, похожий и на кашель, и на мычание одновременно. Кивнул. Должно быть, этот комплекс усилий означал «да».

– А какова наша культурная программа на сегодняшний день? – продолжала интересоваться я. – В театр?

Вася, проигнорировав чайник на плите, открыл водопроводный кран и припал губами к забившей оттуда струе воды. Напившись, он посмотрел на меня, почесал опухшее свое лицо и неопределенно что-то буркнул.

«А ведь он в чем-то прав, – задумалась я, – действительно, как же мне его теперь развлекать-то? Может, на самом деле в театр?»

Мой клиент со вздохом уселся за стол и с видимым отвращением закурил.

– Похмелиться бы мне, – с мрачной задумчивостью произнес он.

Запустил руки в карманы брюк и принялся там шарить. Я усмехнулась про себя – давай-давай, голубчик. Вчера, перед тем как лечь спать, я прошмонала карманы своего нынешнего клиента. Выгрела оттуда все деньги.

Это чтобы полностью контролировать уровень алкоголя в Васином организме. Вчерашний день показал, что пить ему... лучше не стоит. А без денег, как известно, не наливают, вот и пусть теперь под моим руководством... умеренно потребляет. Если уж без этого совсем нельзя.

– Чего это? – вынув руки из карманов, спросил Вася таким тоном, как будто ничего ни у кого и не спрашивал. – Где мои бабки-то все?

– Я их того, – произнесла я бесстрастно, – экспроприировала. Во избежание...

Василий попытался грозно нахмуриться и слабо так пристукнул кулаком по столу. На этом его акция протеста завершилась, силы, должно быть, оставили – все-таки похмелье.

– Как же?.. – только и смог произнести он.

И так еще жалобно произнес, что я чуть не растерялась. Но потом взяла себя в руки:

– Кофе вон выпей, я специально покрепче заварила, душ холодный прими, полегчает... – налила Василию кофе.

Он скорбно вздохнул.

– И вообще – пить вредно, – наставительно закончила я.

На последнее заявление он никак не отреагировал. Потянулся за кофе, чашечка плескалась в его руках, руки-то дрожали – Василий уронил свою недокурную сигарету в кофе.

Пришлось наливать новый.

Примерно через полчаса, когда наш завтрак – кофе – был закончен, я под руку отвела Васю в душ. Пусть оклемается.

Мне вдруг и вправду захотелось сходить в театр. Давно что-то я не окультуривалась. Общество последнее время у меня, понимаете, – одни бандиты да алкаши-зеки. Да еще – высшая администрация города.

Контингент, сами знаете... А так хочется побыть в приличном месте хоть немного...

Бабахнула дверь – это Василий вышел из ванной. Все с тем же полотенцем вокруг бедер. Как оно в ванную-то попало? Я же, по-моему, этим полотенцем Василия накрывала?..

Ну, ладно, неважно...

– Так, – деловито произнесла я, – собирайся! Пойдем-ка проверим репертуар местных театров.

* * *

После продолжительного изучения купленной в ближайшем киоске газеты я выбрала «Гамлета», в постановке и исполнении артистов местного драматического театра.

С Василием я не советовалась – бесполезно было спрашивать, он тоскливо молчал. Как я его посадила на лавочку, так он и сидел. Отрешенно глядел в серенькое весеннее небо.

До начала спектакля оставалось немногим больше часа. Надо сказать, что пьеса шла дневным спектаклем. Была, как бы это сказать... адаптирована для подростков, облегчена для понижения детей, поэтому и шла не вечером, а днем – в 13.00.

А это даже хорошо, что пьеса облегченная. Для Василия – самое то, как говорится, сообщалка у него сейчас явно заторможенно работает.

До начала пьесы мы погуляли по городу – погода была хорошая, теплая, солнца вот только не было, жалко. Я купила Василию минеральной воды – водички попили.

Ни в какие кафе или там бистро я заходить не стала. Ну их от греха подальше. Там же выбор спиртных напитков какой!..

А ну как Василий Федорович не выдержит такой душевной муки? Возьмет и бросится на продавцов. Меня же предупреждали о его психической неуравновешенности.

Впрочем, после бутылочки минеральной Вася стал более или менее похожим на человека – страдальческие морщины на его лице разгладились. Он даже разговорился.

Мы присели на лавочку под деревом в скверике у драматического театра.

– Надо было мне, по-хорошему-то, к Галке сразу зайти, – проговорил Вася, меланхолично отхлебывая минералочку из горла бутылки.

– К жене, что ли? – поинтересовалась я.

– К бывшей, – пояснил он, – не очень примерно мы с ней, правда, жили, но все-таки...

Я хотела было еще что-нибудь спросить у него насчет той, дотюремной еще жизни, но Вася так отрешенно отмахнулся рукой от своих слов, словно от воспоминаний, что я вовремя осеклась.

Мы надолго замолчали. Курили.

– А из-за чего ты вчера с этими гоблинами-то поцапался? – решила я возобновить разговор.

– А? – встрепенулся Вася. – С этими-то? Да так... Козлы они потому что, – неожиданно закончил он.

Исчерпывающе, что и говорить. Да, в самом деле – много ли с пьяных спросу? Ну, подрались и подрались – не редкость такое в отечественных питейных заведениях, совсем не редкость.

Однако как они быстро отреагировали, эти бандюги-то. В оперативности ребятам не откажешь.

– Ну, что, Василий. – Я поднялась. – Пора уже окультуриваться.

Вася вздохнул, щелчком отбросил докуренную сигарету далеко в кусты и тоже встал с лавочки.

Мы направились к входной двери драмтеатра, где уже толпились юные любители Шекспира.

* * *

Пьеса, кстати говоря, оказалась так себе – программная жвачка для школьников. Я, читавшая Шекспира в оригинале, откровенно зевала. У меня появилась даже мысль уйти после первого акта.

И ушла бы. Но вот Василий, к великому моему удивлению, очень даже проникся историей датского принца. И про похмелье свое забыл – так заинтересовался...

– Проблемная пьеска, – начал делиться со мной впечатлениями Василий, когда в антракте мы вышли прогуляться в фойе. – Здорово как, – серьезно продолжал он. – «Быть или не быть?» Вот в чем вопрос... Нельзя такие вопросы с утра задавать. Похмельному человеку, – неожиданно уточнил он, – а то... – и затянув воображаемую петлю на шее, высунул язык.

Вася вел меня под руку, продолжая высказываться по поводу бессмертной трагедии. Я молчала – тихо ликовала. Вот что значит искусство. Так, глядишь, и получится из Василия Федоровича Толстикова заядлый театрал.

Внезапно Вася остановился.

– Я, Женя, отлучусь ненадолго. – Он выразительно указал головой в сторону мужского туалета. – Позывы...

Какие там именно позывы, я уточнять не стала:

– Отлучись, конечно...

Что же мне теперь его в туалет за ручку водить? Я вдруг поймала себя на том, что стою перед дверью мужского сортира. В позе ожидающего, так сказать.

Пойду лучше программу вон куплю. Что я в самом деле? Василий взрослый мужик... и так далее. Я, конечно, нянька, но стеречь его возле туалета – это перебор.

Я поднялась на второй этаж. И, уже покупая программку, поняла наконец причину своего собственного подозрительного поведения. Совсем не потому, что Василий вчера такие концерты давал. Меня просто насторожили его интонации, когда он рассказывал мне свои впечатления от Шекспира.

«Врет он все, – подумала я, торопливо спускаясь на первый этаж, – глаза мне замазывает».

У туалета никого не было. Я подождала пару минут, потом, открыв дверь, заглянула туда. Двое парнишек лет 12—13 испуганно от меня попятились, пряча за спины сигаретки. Я прошла дальше – никого.

Вот черт!

Не мог же он пойти в зал? Звонка еще не было – антракт не кончился, – да и чего ему без меня туда идти?

И тут меня как ударило. Ну, конечно, буфет! Как же я сразу не догадалась?! Правда, у него денег нет, но какая это проблема для такого-то человека – клептомана?

Быстрым шагом (по-моему, это скорее можно было назвать спортивной ходьбой) я кинулась в буфет. Уже дали первый звонок.

Народу в этот раз (дневной все-таки сеанс) в буфете было немного. А после звонка и вовсе никого не осталось – детишки догрызли свои пирожные и отправились досматривать «Гамлета».

То есть не совсем «никого» – в самом углу буфета я увидела своего дорогого Василия. Он прижимал к стеночке какого-то полумертвого от ужаса дяденьку и что-то ему настойчиво втолковывал. Дяденька, судя по всему, школьный учитель литературы – учеников в театр водил – все всплескивал руками. Было похоже, что он хочет оттолкнуть от себя Васю, но не решается.

Я подошла поближе. По лицу Василия блуждала нехорошая улыбка, он то и дело сжимал и разжимал кулаки.

– Это такие вот у тебя, мил друг Василий, позывы? – поинтересовалась я.

Клиент мой взрогнул и отступил на шаг от своей жертвы. Мужичок перевел дух. Вася попытался незаметно от меня что-то спрятать в карман – я заметила.

– Ну? – повторила я.

– Да ничего, – промямлил наконец Вася и пожал плечами, – так...

Дяденька, воспользовавшись тем, что Василий отодвинулся от него на шаг, бочком-бочком – и пулей вылетел из буфета. Не оглядываясь. Только в дверях оглянулся.

– Так, – менторским тоном произнесла я, – теперь давай-ка, что у тебя там в левом кармане.

– Где? – очень натурально удивился Вася, хватаясь за пиджак.

– Не там, не там. В брюках.

Поняв, что дальнейшее сопротивление и отпирательство бесполезны, Василий вынул из кармана огромный бриллиантовый перстень.

Та-ак. Вот, значит, как. Понятно. Перстень я узнала сразу – тот самый перстень с пальца «пахана», того бандита, парни которого избивали Васю в баре. Вот за это дело – за перстень – наверное, и избивали.

Как же Василий сохранил его при себе? Ведь я ж обшарила его одежду, пока он спал.

Дали второй звонок.

– Пойдем, там, наверное, уже спектакль начался, – засуетился Василий, – пойдем, а то опоздаем...

– Опоздали уже, – охладила я его пыл, – успокойся, ты же все равно хотел другими делами заниматься... Садись за столик и рассказывай.

Я заказала две чашечки черного кофе, и мы уселись за столик в углу. Давно уже прозвонел третий звонок. Василий допил свою чашку кофе, со вздохом окинул тоскливым взглядом коньяк, выставленный на стойке буфета, и начал рассказывать:

– Ну, ты, значит, в туалет пошла, а я посидел немного, скучно мне стало, пошел к этим придуркам, к их столику. А там мужик этот перстень по столу катает... Ну, я...

– Постой, постой, – перебила его я, – а зачем ты к ним отправился-то? Поздороваться?

– Сигарету стрельнуть.

– У тебя же были сигареты!

– Были, – согласился Вася. Он помолчал немного и продолжал: – Ну, как домой пришли, я этот перстень в ванной припрятал. На всякий случай. На черный, как говорится, день.

В ванной, значит. Ну-ну, понятно.

– И мужичку этому толкнуть его пытался? – договорила за него я.

– Пытался...

Вот так здорово. Меня с какой целью нанимали? Чтобы уберечь уважаемого Василия Федоровича от антиобщественных поступков. И теперь получается, что со всем моим опытом и профессионализмом, со всей моей смекалкой и так далее я прокололась?

Выходит, так. Стыдно, Женечка, стыдно, стареешь.

А Василий – хват. Мастер своего дела, так сказать. А я вот что-то... Стыдно.

Пока я молча потягивала свой кофе, занимаясь самобичеванием, Василий начинал тихо томиться. Он уже откровенно не сводил своего алчущего взгляда с коньяка на витрине.

– Слушай, – наконец умоляюще произнес он, – мне ведь только сто грамм надо. И все... А то башка совсем как эта...

Я молча покачала головой.

– Ну, знаешь, – понизив голос, проговорил Вася, – я срок уже отмотал. Свободный человек я теперь! – Он говорил все громче и громче, а к концу монолога совсем перешел на крик. – Я тебя увольняю! – орал похмельный Василий. – Увольняю!!! Все! Пошла отсюда! Бабки мои отдай и вали! Слышишь?! Ты, курва!!

На этот крик из-за стойки буфета показалось удивленное, продолговатое такое лицо буфетчика. Но Василий кинул на него настолько грозный взгляд, что буфетчик решил в разговор наш не вступать и спешно ретировался куда-то в подсобное помещение.

А Вася все разорялся. Кричи, кричи. Не ты меня нанимал, не тобой деньги плачены – не тебе меня и увольнять. Васин монолог продолжался несколько минут, а в завершение всего он ударом ноги опрокинул наш столик – хорошо, что я успела кофе свой допить, а то бы еще и горяченьким окатили.

Выдав такой заключительный аккорд, Василий остановился передо мной в позе, выражающей достоинство и дерзкий вызов. Конечно, настолько, насколько достоинство и дерзкий вызов может выражать похмельный человек.

Как раз в это мгновение в двух шагах от нас, как из-под земли, возник милиционер. Можно подумать, он дожидался, пока Вася закончит выступать.

– Нервничаем? – совершенно спокойно осведомился мент. – Кричим, инвентарь ломаем?

Василий глянул на него, и тут я заметила, что глаза-то у моего клиента совершенно безумные – сощуренные, темные. Вот сейчас!..

Я не успела отреагировать, а мент и подавно не успел – Василий, широко размахнувшись, ударил его кулаком по уху. Буфетчик, который с появлением милиционера высунулся из-за своей стойки, аж крикнул от удивления.

Мент покачнувшись и, запнувшись об опрокинутый столик, упал навзничь.

Прежде чем я успела оттащить от него Васю, блюститель порядка получил еще несколько приличных ударов по ребрам.

Вот черт! Этот Василий Федорович и вправду неврастеник какой-то. Психопат.

Поверженный, так сказать, в прах мент еще шевелился на полу, пытаясь подняться. Еще буфетчик не отошел от своего оцепенения – так и стоял за стойкой с открытым ртом, а я уже вытаскивала продолжавшего бушевать Василия из буфета.

Мой впавший в буйство клиент сопротивлялся изо всех своих похмельных сил, но куда ему до меня. Я была гораздо сильнее. Мышцы у меня тренированные, дай бог всякому мужчине такие. И сноровка, и точные, доведенные до автоматизма движения – тоже дай бог всякому.

Вовсе не хвастаюсь, просто на самом деле так.

Я выволокла Василия в вестибюль театра, под изумленные взгляды билетеров и охранника вытолкала за дверь.

Оказавшись на улице, Вася едва не вырвался от меня – бесновался, как... дикий кабан какой-нибудь.

Все, пора хватать первую попавшуюся тачку и ехать домой. Сходили, называется, в театр.

Я подняла руку, возле меня тут же затормозила красная «Ауди».

– Да не поеду я нику... – попытался было заорать Василий, но я, незаметно для водителя, двинула своего не в меру разнервничавшегося спутника локтем в солнечное сплетение. Василий сразу задохнулся.

– Плохо человеку стало, – с ангельской улыбкой пояснила я водиле, заталкивая Васю на заднее сиденье и садясь туда же, – придется, видно, домой ехать. А жаль, спектакль не досмотрели. – Я с сожалением прищелкнула языком.

Уже когда мы отъехали от театра на довольно приличное расстояние, я обернулась и увидела, как из двери этого прибежища муз вылетел тот самый избитый Васей мент. С пистолетом, между прочим.

Он остановился, покрутился, покрутился у входа и растерянно развел руками.

«Ауди» повернула на перекрестке, и драмтеатр скрылся из виду.

Глава 3

На всякий случай я попросила водителя, подвозившего нас, высадить меня с Василием в двух кварталах от дома.

Конспирация и подстраховка! Подстраховка и конспирация – учили нас в специнституте и в отряде «Сигма». И еще маскировка. А по маскировке, между прочим, я всегда получала только высшие баллы. В отряде «Сигма» бойцы прозвали меня за это «Хамелеон».

Было за что – искусство перевоплощаться я освоила, как говорится, от «а» до «я».

В машине Василий успокоился. Так же внезапно, как и завелся. Ну, не то чтобы совсем успокоился – замолчал и никаких резких движений больше не совершал.

Он вообще никаких движений не предпринимал – сидел себе на заднем сиденье рядом со мной, ручки сложил. Только глаза у него сверкали так же, как и тогда в буфете.

Похмелить, что ли его? А то черт его знает, что он еще выкинет. А, впрочем, пускай выкидывает – будем до вечера дома сидеть. Никакого больше окультуривания.

А похмелиться ему давать, я думаю, не стоит – у таких людей процесс похмелки затягивается и плавно переходит в следующую пьянку.

А так как продолжение банкета я ему устраивать не собираюсь, то, выпив сейчас еще, он, по-моему, сильнее мучиться будет.

Как это называется – недогон?

В институте нам преподавали, конечно, лексику совсем не общеупотребительного характера – уголовный жаргон и так далее. Но с тех пор, как я училась в институте, прошло немало лет, а подобный пласт лексики меняется очень быстро – это же вам не язык общения...

И все-таки, возвращаясь к поставленному выше вопросу, – надо бы купить Василию баночку пива, жалко мне его. Не то чтобы жалко, хотя и жалко тоже, а... симпатию я, что ли, начала к нему испытывать.

Так быть или не быть? В смысле – купить или?..

* * *

К дому мы подходили весело – Василий, получив вожаемое пиво, сразу чудесным образом преобразился: взгляд у него сделался ясным и осмысленным, Вася вдруг разговорился. Шуточки начал отпускать, и все такое. Я то и дело похихатывала.

Нет, неплохой он парень. Когда похмеленный, конечно. Веселый такой, общительный и... Стоп!

Я вздрогнула – внутренне, правда, вздрогнула, внешне вида не подала. По крайней мере, Василий ничего не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.